

Л. В. ШАПОРИНА

О Н. Н. Сапунове

Публикация А. Г. Носовой

Неожиданная смерть Н. Н. Сапунова, настигшая молодого талантливого художника, полного ярчайших творческих замыслов, оставившего неповторимый след в русской художественной культуре начала XX в., глубоко потрясла его современников. Критик П. Д. Эттингер в статье «Памяти Сапунова» писал: «Какой ужас и какая острая, леденящая ирония судьбы, что Сапунов, этот весельчак, полный жизни и темперамента, воспевавший в своих произведениях лишь радость бытия, его звонкие мажорные симфонии, безвременно погиб в холодных водах Финляндии».¹

Николай Николаевич Сапунов (1880—1912) родился в небогатой купеческой семье, рано начал самостоятельную жизнь. В 1901 г. окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) с серебряной медалью, где занимался в мастерской И. И. Левитана; затем в 1904—1911 гг. учился в Академии художеств в Петербурге. Н. Н. Сапунов — автор пейзажей, великолепных картин, изображающих цветы, изысканных натюрмортов, портретов. Он участвовал в выставках художественных объединений «Мир искусства» и «Голубая роза». В 1904—1908 гг. его графика появляется в журналах «Весы» и «Золотое руно».

Еще в последний год своего пребывания в Московском училище Н. Н. Сапунов по рекомендации И. И. Левитана стал работать в театре. Сначала это была только исполнительская работа, которая могла дать заработок. Он оформил несколько спектаклей в молодом Художественном театре в сезон 1901—1902 гг. по эскизам В. А. Симова и в Большом театре по эскизам К. А. Коровина. Очень важной, повлиявшей на его дальнейшую творческую жизнь была встреча с В. Э. Мейерхольдом. В Москве в 1905 г. в театре-студии на Поварской он писал декорации к 4 и 5 актам спектакля «Смерть Тентажиля» М. Метерлинка в постановке В. Э. Мейерхольда; в 1911 г. в театре К. Н. Незлобина — декорации к комедии-балету «Мещанин во дворянстве» по Мольеру, в постановке Ф. Ф. Коммисаржевского (мы даем дореволюционное написание фамилии), и в 1912 г. — к сказке «Принцесса Турандот» К. Гоцци. В Петербурге в 1905 г. работал над декорациями в Театре трагедии к спектаклю «Три расцвета» К. Д. Бальмонта, в 1906 г. оформлял пьесу Г. Ибсена «Гедда Габлер» в постановке Мейерхольда в театре В. Ф. Комми-

¹ Эттингер П. Д. Памяти Сапунова // Русская художественная летопись (приложение к журн. «Аполлон»). 1912. № 12. С. 161.

саржевской, а также «Балаганчик» А. А. Блока, где Сапуновым были выполнены и эскизы костюмов. В сезон 1910—1911 гг. в «Доме интермедий» была представлена двухчасовая программа в постановке Мейерхольда, состоящая из цикла малых пьес. Сапунов был одним из организаторов этого театра, он же оформил все постановки первого цикла: «Пролог» (текст и музыка М. А. Кузмина), «Шарф Коломбины» (пантомима А. Шницлера, муз. Донаньи), «Голландка Лиза» (пастораль М. А. Кузмина, оформление совместно с А. А. Араповым), «Блэк энд уайт, или Негритянская трагедия» (гротеск К. Э. Гибшмана и П. П. Потемкина). Затем он участвовал в организации и оформлении литературно-артистического кафе «Бродячая собака».²

Друзьям хотелось увековечить память о художнике. А. М. Кожебаткин в письме М. А. Кузмину от 11 июля 1912 г. сообщает: «Я же окончательно решил издать книгу воспоминаний и статей о Николае Николаевиче и очень прошу тебя в первую очередь приняться за эту работу. Книгу хотелось бы издать к полугодовщине смерти, следовательно, с этим надо спешить. Пожалуйста, поговори от моего имени с Блоком и Потемкиным. Я думаю, что и они возьмутся написать что-нибудь».³ Но осуществился этот замысел только через четыре года. Вышел сборник: «Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики» (М., 1916). В нем выступили В. Я. Брюсов, М. А. Кузмин, П. П. Потемкин, С. Г. Кара-Мурза (С. Крымский), Ф. Ф. Коммисаржевский, Я. А. Тугендхольд и А. М. Эфрос. Рисунки сделали А. А. Арапов, Н. П. Крымов, П. В. Кузнецов, Н. Д. Милиоти, Н. П. Феофилактов. Фронтиспис исполнил К. А. Сомов, обложку — С. Ю. Судейкин.

На страницах журнала «Аполлон» тоже вспоминали художника. В № 4 за 1914 г. вышли статьи М. А. Волошина «Памяти Сапунова» и Ф. Ф. Коммисаржевского «Сапунов — декоратор», в № 8—9 за 1915 г. — статья Н. Н. Пунина «Три художника», в № 1 за 1916 г. — статья В. Н. Соловьева «Памяти Н. Н. Сапунова». Они затем вошли в сборник «Н. Н. Сапунов» (Пг., 1916). В конечном итоге эти живые свидетельства близко знавших его современников легли, уже в советское время, в основу всех исследовательских работ о жизни и творчестве художника.⁴ Кроме воспоминаний, написанных непосредственно о Сапунове, он фигурирует во многих других мемуарах и книгах, касающихся театра В. Ф. Коммисаржевской, «Дома интермедий», Театра в Териоках, литературно-артистического кафе «Бродячая собака» и др. Это воспоминания А. А. Мгеброва,⁵ В. П. Веригиной,⁶ С. Ю. Судейкина,⁷ М. М. Могилянского,⁸ О. Н. Высотской,⁹

² Биографические сведения даны по: *Алтаов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. М., 1965; *Коган Д. З.* Николай Николаевич Сапунов. 1880—1912. М., 1998.

³ См.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921) // Вступ. статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц; Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тищенко // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 400 (Литературное наследство; Т. 92).

⁴ Кроме вышеуказанных двух книг Н. Н. Сапунову был посвящен ряд журнальных статей.

⁵ См.: *Мгебров А. А.* Жизнь в театре. М.; Л., 1932. Т. 2.

⁶ См.: *Веригина В. П.* Воспоминания. Л., 1974.

⁷ См.: «Бродячая собака». (Воспоминания С. Ю. Судейкина) / Публ. Н. М. Коньчевой // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 185—194; см. также: *Париш А., Тищенко Р.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1983. М., 1985. С. 160—257.

⁸ См.: *Могилянский М. М.* Кабаре «Бродячая собака» / Публ. А. Сергеева // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 168—188. См. также: Воспоминания о серебряном веке / Сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд. М., 1993.

⁹ См.: *Высотская О.* Мои воспоминания / Публ. и прим. Ю. Галаниной, Н. Панфиловой и О. Фельдман // Театр. 1994. № 4. С. 77—101.

В. А. Пяста,¹⁰ Б. М. Прилежаевой-Барской,¹¹ книга Н. Волкова о В. Э. Мейерхольде,¹² а также дневники М. А. Кузмина,¹³ переписка А. А. Блока¹⁴ и др.

Если попытаться обобщить характеристики, данные Н. Н. Сапунову в названных выше воспоминаниях, то вырисовывается образ художника, окутанного некоей тайной, о котором еще при жизни складывались легенды: очень противоречивого, «милого и чрезвычайно тонкого, обладающего абсолютным вкусом и природной утонченностью, остро ненавидящим мещанство и чрезвычайно остроумно высмеивавшим его проявления», в котором «мятежность и даже некоторый демонизм как-то странно сочетались с милой детскостью».¹⁵ «Фат, романтик, любитель антикварных ваз, грубиян, с какой-то беспокойной нежностью влюбленный в трактиры, шумный, неожиданный и беспутный»,¹⁶ «неистового нрава»,¹⁷ в то же время прозванный «графом», «за изящную душу, острый и меткий, очень часто злой ум, за природную воспитанность», «за безупречную внешность и джентльменство», хотя «некоторые особенности сапуновского характера — легкая эксцентричность костюма, манера носить его, вдруг вполне приличный, но слишком пышный галстук, ни с того ни с сего кофейного цвета котелок на затылке, расчесанные усы и кок на скуластом монгольском лице, слегка, очень слегка, незаметно для других, подурмяненные губы или щеки, озорство, „словечки“ — все это придавало лубочный характер его „графству“».¹⁸ То он запоем, день и ночь работал в мастерской, а то «таскался до утра по мерзейшим кабакам».¹⁹ «Он был очень умен, с хитрецей и со значительной дозой эгоизма, довольно откровенного. Ум его был зоркий и острый. Сентиментализма и благожелательной приветливости в нем вовсе не было; и потому все прозвища и эпитеты, которыми он обильно наделял товарищей и приятелей, были метки, но не совсем невинны, определения его были всегда образны, но злы, характеристики — правдивы, но беспощадны, и всегда били по самому больному месту», «очень трудно было вызвать в нем нежность, он был скрытен, не любил откровенностей».²⁰ Но, несмотря на всю противоречивость его характера, знакомые и друзья к нему относились тепло и с пониманием.

Все упомянутые воспоминания были написаны спустя некоторое время после смерти художника. Воспоминания, к которым мы обратимся, написаны непосредственно после гибели Н. Н. Сапунова: на десятом листе рукописи большого формата, в левом верхнем углу дата — 18/VI (а утонул он в ночь с 14 на 15 июня). Воспоминания принадлежат Любови Васильевне Шапориной (урожд. Яковлевой) (1879—1967), графику и живописцу, организатору и режиссеру первого Государственного театра марионеток в Петрограде, театральной художнице, переводчице, автору дневников, жене композитора

¹⁰ См.: Пяст Вл. Встречи. М., 1997.

¹¹ См.: Прилежаева-Барская Б. М. «Бродячая собака» / Публ. Р. Д. Тищенко // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1998. Вып. 23. С. 381—417.

¹² См.: Волков Н. Мейерхольд. М.; Л., 1929. Т. 1—2.

¹³ См.: Кузмин М. Дневник 1905—1907 г. / Предисл., подготовка текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000.

¹⁴ См.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980—1993. Кн. 1—5 (Литературное наследство; Т. 92).

¹⁵ Веригина В. П. Воспоминания. Л., 1974. С. 181—182.

¹⁶ Пушин Н. Три художника // Аполлон. 1915. № 8—9. С. 6.

¹⁷ Высокская О. Мои воспоминания / Публ. и прим. Ю. Галаниной, Н. Панфиловой и О. Фельдман // Театр. 1994. № 4. С. 87.

¹⁸ Коммиссаржевский Ф. Сапунов — декоратор // Аполлон. 1914. № 4. С. 9.

¹⁹ Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; Публ. и коммент. А. П. Юловой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 2. С. 106 (Литературное наследство; Т. 92).

Ю. А. Шапорина.²¹ Она была связана дружескими и творческими отношениями со многими известными представителями художественного, литературного, музыкального и театрального мира предреволюционной эпохи. По возвращении из Парижа в 1908 г., где два года училась в художественной академии «La Palette», она в 1910—1912 гг. занималась в школе при «Обществе поощрения художеств». В этот период она оказалась в гуще художественной жизни столицы. Шапорина выставляла свои работы на выставках «Мира искусства» и «Нового общества художников», посещала спектакли только что открывшегося театра «Дом интермедий», затем участвовала в вечерах литературно-артистического кафе «Бродячая собака» и т. д. К этому времени и относится ее знакомство с художником.

Воспоминания Л. В. Шапориной отличаются высокой эмоциональностью. Это и неудивительно: она была свидетельницей того трагического события. Это был шок: на ее глазах погиб дорогой ей человек, да и сама она, как и другие, подверглась такой же опасности.²²

Напомним об этой трагедии вкратце. Н. Н. Сапунов, М. А. Кузмин, Е. А. Назарбек, Л. В. Шапорина и Е. А. Бебутова приехали на артистическую дачу в Териоки, где Б. К. Пронинным был снят театр-казино, в котором под руководством В. Э. Мейерхольда устраивались спектакли «Товарищества актеров, художников, писателей и музыкантов». Поездка была связана с предполагаемым устройством в Териоках карнавала. Поздним вечером всей компанией поехали кататься на лодке, отплыли далеко от берега. Когда стали меняться местами, лодка перевернулась, все оказались в воде, и Сапунов утонул. Остальных удалось спасти.²³

Сапунова искали целую ночь с водолазами и специально обученными собаками, но все было тщетно. А. А. Мгебров вспоминал: «Только на другой день мы, бесконечно усталые и подавленные, вернулись на берег. Здесь, среди жадно ожидавших нас, мне также навсегда запомнились некоторые лица: особенно фигура и лицо художницы Л. В. Яковлевой, после того, как мы объявили, что тела не нашли. Она не произнесла в ответ ни звука. Вся вытянувшись стрелой, она осталась стоять у моря, с безумным взглядом, устремленным куда-то далеко, далеко в пространство. Я помню, как на лице ее в то время горели лучи солнца, но горели так, словно вдруг что-то остановилось, будто самый солнечный свет прекратил на мгновение свое движение в этом лице, — так был он холоден и отражался в нем как бы мертвым серебром. Рассказывали, что когда все держались за перевернутую лодку, рука Сапунова скользнула по руке Яковлевой перед тем, как он

²⁰ Карамурза С. Воспоминания о Н. Н. Сапунове // Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. М., 1916. С. 22, 29.

²¹ См. ее биографию: Носова А. Г. Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 96—132.

²² См.: Там же. С. 105.

²³ Об этом событии в разных вариациях упоминается во многих мемуарах. Ср., например: Пят Вл. Встречи. С. 162. Здесь указывается не пять, а шесть человек в лодке и, что «Сапунова положили в перевернутую, в конце концов, лодку уже трупом». На самом же деле, его тело через несколько дней прибило у Кронштадта, где потом и проходили отпевание и похороны (см.: Высотская О. Мои воспоминания. С. 92). В. П. Веригина писала, что на похоронах были только она, О. Н. Высотская и А. И. Егоров и, что «в Кронштадтской церкви мы встретили брата покойного, больше никого не было. Однако в одной из петербургских газет появилась заметка, в которой сказано, что на похороны Сапунова в Кронштадт приехало много народу, и вообще было торжественно. На самом деле было просто, скромно и страшно» (Веригина В. П. Воспоминания. С. 179—182). Брат художника, о котором идет речь, Константин (Клавдий) Николаевич Сапунов (?—1915), художник МХАТа, автор нескольких интересных декораций, в том числе для «Вишневого сада». См. некрологи о нем от 30 ноября 1915 г. в газ. «Биржевые ведомости» и «Вечерние вести».

утонул, чего никто не заметил, кроме нее, но спасти, по ее словам, она его не могла, по его же вине».²⁴

Комментатор издания, Э. А. Старк, отмечает, что «не все до сих пор ясно в этом печальном факте» и приводит слова В. Пяста, что «Н. Н. Сапунов весной 1912 г. переживал такой глубокий душевный кризис, — так лихорадочно бросался от беспробудной работы к беспробудным кутежам, — так искал в лице А. А. Блока исповедника-утешителя, — так не раз собирался покончить с собой, — что, можно думать, принял смерть в мелких волнах Финского залива с вожделием, как избавительницу от чрезмерных для живого существа мучений раздвоенности».²⁵ Следует отметить, что сведения о том, что Сапунов собирался покончить с собой, есть только в воспоминаниях В. Пяста.

Весной 1912 г. Н. Н. Сапунов собирался писать портрет А. А. Блока, об этом пишет в своей книге М. З. Долинский: «Одиннадцатого апреля Блок записал в дневник: „Вечером я пошел в тоске пить, но в ресторане сидел милый Сапунов. Так и проговорил с ним — было скучно и ему и мне. Он скоро придет обедать, хочет меня рисовать“. <...> С того времени они виделись часто, особенно в последние две недели жизни художника».²⁶ А за несколько дней до гибели Н. Н. Сапунов встретился с А. А. Блоком, который потом писал в письме А. М. Ремизову от 9 июня 1912 г.: «Сегодня я назвал в Териоки всякого народу (Блок бывал там, т. к. Любовь Дмитриевна играла в Териокском театре. — А. Н.), надеясь (для себя) на Вас и на Пяста. А теперь боюсь вдвойне, и одному-то ехать страшно, да еще кругом много людей и никакого центра, вокруг которого они бы располагались...

К тому же все у меня тихо, хорошо до третьего дня, я уже дописал (вчерне) первое действие, и вдруг „закатился“, ночью встретился с Сапуновым, и таскались мы с ним до утра по мерзейшим кабакам, до сих пор не могу прийти в себя, и опять не пишется».²⁷ В комментариях к письмам А. А. Блока к А. М. Ремизову А. П. Юлова приводит также выдержки из дневника поэта, которые свидетельствуют о его тесном общении с Н. Н. Сапуновым в июньские дни 1912 г.: «Ср. также: „Утром 6-го работал хорошо <...>. Потом закатился, встреча с Л. Андреевым, Сапуновым и ужасно проведенные сутки <...>“. Ср. запись в дневнике от 11 июня 1912 г.: „Я все не могу вновь приняться за свою работу <...>, так как ужасы жизни преследуют меня пятый день — с той злополучной среды (6 июня). Оправлюсь — одна надежда. Пока же боюсь проклятой жизни, отворачиваю от нее глаза“».²⁸ Восьмого июня они также встречались, о чем Блок писал в дневнике. Приведем фрагмент из исследования М. З. Долинского: «“Вечером я пошел навестить Сапунова, с ним посидели на поплавке, потом пришли и пили у меня чай“. Через день (10. 6): „...поехал в Териоки. Ехали вместе с Пястом, Сапуновым, Садовским...“ Б. А. Садовский вспоминал: „Еще перед отъездом, на Финляндском вокзале, повстречался с нами и поехал вместе... Н. Н. Сапунов — молодой человек (он был ровесником Блока. — М. Д.) в кофейном котелке и широком голубом галстуке. Заговорили о счастье. „Счастливых людей не видно, — заметил я, — где они?“ Блок кивнул на Сапунова: „Да вот счастливый человек“».²⁹ Н. Н. Сапунов также приглашал А. А. Блока в Териоки и в тот злополучный день, но Блок отказался: «Мама, не беспокойся обо мне, когда прочтешь в газетах известие, что Сапунов утонул в море около Териок, — писал Блок А. А. Кублицкой-Пиоттух вечером 15 июня. — Меня там не было, я не поехал, хотя за б

²⁴ Мгебров А. А. Жизнь в театре. С. 207.

²⁵ Там же. С. 208. См.: Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 243.

²⁶ Долинский М. З. Искусство и Александр Блок. М., 1985. С. 254.

²⁷ Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; Публ. и коммент. А. П. Юловой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 2. С. 106 (Литературное наследство; Т. 92).

²⁸ Там же.

²⁹ Долинский М. З. Искусство и Александр Блок. С. 254.

часов до этого он звал меня туда по телефону устраивать карнавал. Мы с ним часто виделись в последние дни, он был очень чистый и простой. На днях должен был писать мой портрет».³⁰

Итак, чем был вызван кризис, о котором писал В. Пяст, и что происходило в душе художника, пока так и остается тайной. Тайной остается и то, кто же была та, которую М. А. Кузмин в своих воспоминаниях назвал «невестой»: «Николай Николаевич редко ходил в Петрограде (так! — *А. Н.*) по знакомым домам и я совсем не знаю, был ли у него какой-нибудь определенный роман или романы. Встречи, да! — но определенного, длительного или хотя бы кратковременного романа нет. Это последнее обстоятельство давало ему большую свободу, независимость, но и большое одиночество, и какую-то строгость. Много говорили про начало каких-то сердечных увлечений в последние недели его жизни, произносили даже слово „невеста“, но это все говорилось после смерти, крайне не проверено и относится, по-моему, скорее, к области легенд — во всяком случае, его ближайшим друзьям ничего не было известно, а если что действительно и было, все порвалось неожиданно и трагично Териокской катастрофой».³¹

В 1909 г. Сапуновым был написан большая Лерийской «Портрет Л. Гусевой». Люба Гусева — сестра его друга, художника Н. П. Крымова, к которой он питал трепетные чувства, но отношения у них не сложились.³² Известно также, что Сапунов был увлечен артистической мулаткой, которая выступала на петербургской эстраде около 1911—1912 гг. Об этом свидетельствовали его друзья, а ее портрет он писал четырежды.³³ В воспоминаниях было отмечено, что он был также увлечен Беллой Назарбек (Е. А. Назарбек, Е. А. Назарбекова), Принцессой, как ее называли друзья вслед за Сапуновым. Она тогда училась на Высших женских курсах. А. А. Мгебров писал, что Сапунов приехал за ней на квартиру его родителей с М. А. Кузминым и художницами Е. А. Бебутовой и Л. В. Яковлевой: «Николай Николаевич решил обсудить план устройства маскарада и хотел, чтобы художницы ему помогли. Назарбек сначала отказывалась от поездки в Териоки, так как уже простилась со всеми перед отъездом в Сибирь к матери — политической ссыльной, однако Сапунов так упрашивал Принцессу, что она, в конце концов, согласилась».³⁴

Несмотря на скрытность характера, эти увлечения Н. Н. Сапунова не были тайной, но кто же была та особа, о которой писал М. А. Кузмин, существовала ли она в действительности? Не могут ли дать ответ на этот вопрос публикуемые воспоминания? С предельной осторожностью мы рискуем предположить, что, возможно, Л. В. Шапорина и была предметом «сердечных увлечений в последние недели жизни» Н. Н. Сапунова, о которых писал М. А. Кузмин. Во всяком случае ей этот человек был очень дорог.

Нам хотелось бы также надеяться, что приведенные в воспоминаниях факты, возможно, помогут уточнить какие-либо детали и в биографиях упоминаемых там лиц.

Напомним, что воспоминания Л. В. Шапориной (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 14) написаны сразу после трагедии, в рукописи перед последним абзацем стоит дата: 18/VII. Написаны они на одном дыхании, часто с пропущенными знаками препинания, судя по

³⁰ Там же.

³¹ Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. М., 1916. С. 50—51.

³² См.: *Коган Д.* Николай Николаевич Сапунов. С. 110.

³³ См.: *Алпатов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. С. 110.

³⁴ *Мгебров А. А.* Жизнь в театре. Т. 2. С. 206; см. также: *Веригина В. П.* Воспоминания. С. 179; *Высотская О.* Мои воспоминания. С. 92. См. также письмо Е. А. Назарбековой к В. В. Алперс от 9 авг. 1912 г. из Енисейской губ., озеро Широ: «Милая моя Вера, я тебя не забыла и ты не сердись на меня за мое молчание. Знаешь, иногда просто тяжело было вспоминать Териоки и я никому не послала даже пустяшной открытки. Не знаю сама, почему? Как-то не хотелось о себе напоминать и вспоминать их. А ты? Бывала ли у них часто? Что нового в театре и на даче?» (Российская национальная библиотека, ф. 1201 (арх. В. М., В. В., С. В., В. В. Алперсов), № 155, л. 9—10).

почерку, очень торопливо и несколько сумбурно. По-видимому, она написала их сразу набело и больше к ним не возвращалась. Исправлений в тексте очень мало и, как нам кажется, если бы она переписывала его с черновика и обдумывала, то многое бы поправила. На л. 1 — вверху перед текстом позднейшая приписка «Л. Я. Шапорина. О Н. Н. Сапунове», относящаяся, возможно, к 1933 г.³⁵ Сокращенные слова раскрыты нами в ломанных скобках, орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

О Н. Н. Сапунове

Останусь я существовать или нет — все равно, — мне хочется записать все, что я помню о Николае Николаевиче, чтобы ничего не погибло из моих воспоминаний, потому что ни одно слово его не бывало для меня неценно, потому что такого человека другого нет и не может быть, как не повторяется один и тот же талант, и как не повторится его очаровательный и блестящий талант. Я пишу и не верю, боюсь даже произнести слово смерть, кошмар от которого я не уйду. Буду думать, что он жив, что я вернулась в мастерскую в одиннадцатом часу, совсем светло, белые ночи, я все же зажигаю лампу, зная, что он у себя; через несколько минут слышу быстрые шаги, звонок — и вижу его, — как было всю весну.¹ Мы будем говорить о всем — и будем смотреть друг на друга, не отводя глаз; его глаза будут темнеть порой, а я буду счастлива.

Много я видела людей, но человека с такой богатой интенсивной жизнью я не увижу, потому что нет. Он весь был скрытая, бьющая через край энергия в живописи, в темнеющих глазах, в его культе чувственности, — которая была его религией в красках и в жизни.

Начну с начала. Познакомилась я с ним два года тому назад, в Павловске, где он с Потемкиным² сидели с Палладой.³ Вид у него был ужасно нездоровый, худ был страшно, кожа на лбу как-то как будто прилипала к черепу. Я слышала о нем только от С<ергея> С<ергеевича>⁴, что Сапунов рамол (расслабленный, немощный. — А. Н.) — всегда молчаливый. Он, правда, говорил не много тогда, но всегда остроумно, — помню, дали нам машинку кофе с стеклянным верхом, кофе било ключом и как-то невероятно смешно, в такт музыке.⁵ Вечер был дивный, мы как-то резвились, играли в горелки, Потемкин с Белкиным⁶ кувыркались. Потом поехали. В вагоне кроме нас никого не было. При входе кондуктора Н<иколай> Н<иколаевич> великолепно симулировал скандал и просил вывести Пот<емкина>, но ему все же не поверили. Потом мы шли по улицам П<етер>бурга, все вместе, долго, ночь была бела, дошли, наконец, до Галерной ул<ицы>. Потемк<ин> хотел идти с нами, но мы с Н<иколаем> Н<иколаевичем> убежали от них и, взяв ялик, уехали на остров. И в первый день и в последний день вода и лодка — зачем. Нева, как всегда в эти ночи, была лучезарна, Н<иколай> Н<иколаевич> говорил, что П<етер>бург ему нравится больше Москвы, что он тоньше ее, — потом приехали — и в

³⁵ См.: Носова А. Г. Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе. С. 105.

ту весну я его больше не видала. Летом он заболел тифом, мне об этом писал Белкин, он лежал в Александр<овской ?> <нрзб.> и вел себя очень плохо — ел тайком шоколад, после чего ему стало хуже гораздо и, наконец, сбежал из больницы.⁷ Встретила я его зимой в Интермедии⁸ и не узнала сначала, так он поправился, пополнил, поздоровел.

Прошлой весной Белкин мне сообщил, что Н<иколай> Н<иколаевич> меняет мастерскую и может мне передать свою. Я очень обрадовалась — жить одной, иметь мастерскую — я столько об этом мечтала. На другой же день я отправилась с С<ергеем> С<ергеевичем> на 18 линию,⁹ просидев у Н<иколая> Н<иколаевича> часа четыре, мы оправились вместе к Бернарду¹⁰ и, кажется, и там просидели столько же. Рассказывал он необыкновенно хорошо, быть может, и прибавляя от себя, а, быть может, факты обыденной жизни отражались более яркими в его мозгу, отшлифовывались и в рассказах являлись уже блестящими анекдотами. Тогда как раз он рассказывал, как был на свадьбе в деревне. Жених выставил целый ушат водки. Мужики подходили, брали ковш и пили, пока могли. Один тут же свалился под стол и умер. Когда все было выпито, обступили жениха и стали нещадно бить, дескать, мало вина выставил. Жених схватил топор, поднял обеими руками над головой и, пока его били, все твердил: «Дай бог крепости, сейчас зарублю». В передаче моей, конечно, все не то, но я-то помню, все интонации и мимику Н<иколая> Н<иколаевича>. Затем замечательные рассказы о кн. Шервашидзе¹¹ в Сухуме и его мифических похождениях. Прелестный также рассказ о том, как он, Н<иколай> Н<иколаевич>, жил в доме какого-то своего знакомого там же, в Сухуме.¹² Сидит раз в саду, видит, идет какой-то субъект в черкеске, полном вооружении и спрашивает, дома ли хозяин. Того не было. Субъект очень пожалел, т<a>к к<a>к пришел проститься, ввиду того, что через несколько дней его должны были казнить. Рассказывал Н<иколай> Н<иколаевич>, как он, разочаровавшись в Судейкине,¹³ заявил ему: «Знаешь, С<ергей> Ю<рьевич>, нам лучше не видеться, Ты мне понравился». С<ергей> Ю<рьевич> крайне обиделся и обвинил Н<иколая> Н<иколаевича> в не деликатности. Н<иколай> Н<иколаевич> его не одобрял, не одобрял еще больше его брата, какого-то совсем темного субъекта, бывшего офицера Сумского полка, потом жандарма.¹⁴ К сожалению, у меня очень плоха память, и очень многое я забываю.

Другой раз я пришла к Н<иколаю> Н<иколаевичу> с Мусатовой¹⁵ и застала там Кузмина,¹⁶ кот<орого> Н<иколай> Н<иколаевич> тогда начал писать. Кузмин был очень красив в каком-то бутафорском, средневековом, кажется, костюме синем с желтым и пестрой чалме на голове.¹⁷ Моя теперяшняя мастерская была тогда совсем другая. Окна были завешены большими шерстяными платками, яркими, с огромными цветами, такими же платками и блестящими шелковыми были завалены оттоманки, и сначала я даже не заметила Кузмина в его пестром костюме среди этих пестрых платков. Вокруг стен шла узенькая полочка, уставленная фарфором, стеклом и всякими курьезами, вроде вербных игрушек, уток, солдат. Все было покрыто слоем пыли, а хо-

дить можно было лишь в самом центре мастерской.¹⁸ Обои оранжевые с желтыми цветами были выбраны еще Собашниковой¹⁹ (так! — *А. Н.*), т<ак> к<ак> напоминали ей Гогена!,²⁰ для живописности. В тот же день я еще раз встретила Н<иколая> Н<иколаевича> и К<узмина> у Лейнера,²¹ куда мы тоже пришли, обедали вместе, — и я оценила, насколько воспитанней и корректней он был Кузмина. Вообще, пока я его не знала, я слышала столько о его нахальстве, наглости с женщинами²² и развратности — и при знакомстве убедилась в редкой корректности. Вообще, насколько всегда по-настоящему развратный или попросту не боящийся и не признающий законов морали человек, не благонамеренный, как говорил Н<иколай> Н<иколаевич>, — всегда в общем, нравственной, выше морально трусливо-добродетельных буржуа. Напр<имер>, А<лексей> Н<иколаевич> Толстой²³ — благонамеренный семейный человек, с трудом терпим Белкин<ым>, без порнографии слова не вымолвит, а от Н<иколая> Н<иколаевича> я не слыхала ни одного как бы то ни было двусмысленного слова. Нет, я, кажется, не могу писать — и, право, не смогу жить без него. Не хочется — пусто, скучно, невероятно и невыразимо скучно — скучно потому, что с ним все „резвое“ ушло из жизни, остались люди серые, нудные, ненужные и бездарные; что же мне одной делать. Боже мой, Боже мой, как бесконечно тяжело. В ту весну (1911 г. — *А. Н.*) я еще несколько раз видала его, помню, как в последний раз, уходя от меня, он все уговаривал меня идти с ними к Бернарду — я не пошла, мне всегда казалось, что я надоем, и сказала, что уезжаю скоро. Он как-то очень искренно пожалел, и как я теперь жалею, что не осталась прошлое лето здесь. Всю жизнь я делала всегда не то, что нужно, все против своего желания, pour le roi de Prusse^a — зачем я протрубила прошлое лето в Станице,²⁴ долбя с Васей²⁵ по 5—6 часов в день, когда теперь же мне говорят, что все это было ни к чему. Не работала, выбивалась из сил, кому это нужно. Ну что же — так и всю жизнь я пропустила — и собственное счастье не спасла.

Этой осенью (1911 г. — *А. Н.*) я сначала видела Н<иколая> Н<иколаевича> довольно часто. Он часто заходил ко мне, и помню, раз пришел в очень нервном состоянии. Были Саша Смирнов²⁶ и С<ергей> С<ергеевич> (С. С. Позняков. — *А. Н.*). Он стал рассказывать о разных сверхъестественных случаях в своей жизни. И я верю, что все это могло с ним быть — так он был нервен и чувствителен. Он рассказывал, как однажды шел он с Феофилактовым²⁷ к Судейкиным, и, не доходя до них, вдруг он видит невероятно высокого роста женщину в черном, с перевязанной головой и кровью под этой повязкой. Женщина двигается на него, и он чувствует, что она его раздавит своей величиной. Он закричал — она присела и, перебежав улицу, исчезла. Феофилакт ничего не видал, стал его стыдить и привел к Судейкиным. Через некоторое время приходит сестра Судейкина²⁸ с кем-то, ни жива, ни мертва — там же, в Ушковом переулке, она видела ту же женщину в черном. Он жил как-то в какой-то гостинице или комнатах в Москве;

^a попусту, даром (букв.: в пользу прусского короля) (*франц.*).

раз утром он одевался, пиджак его лежал на диване. Он пошел было за ним и так на одной ноге и замер — на диване сидел его двойник, при- держивая большим пальцем лежавшую на столе бумагу. Он почувст- вовал, как волоса его от ужаса зашевелились, он закричал и свалился. Перепуганная прислуга должна была выломать дверь, чтобы попасть к нему. Потом были с ним какие-то приключения в доме Мамонтова,²⁹ кажется.

Он был страшно суеверен, верил в гадания и, по-видимому, много бывал у разных гадателей.³⁰ Пришел он однажды к одному такому и увидел несколько гипсовых слепков с рук. Одна его поразила — узкая и очень длинная, странная какая-то рука. Оказалось, это был слепок с руки вел<икого> кн<язя> Серг<ея> Ал<ександровича>.³¹ Гадатель этот, фамилию я забыла, жил в Москве и задолго предсказал С<ергею> А<лександровичу> его смерть.³² Тому это настолько не понравилась, что гадателю посоветовали покинуть сначала Москву, а по- том и Россию. Вернулся он уже после смерти С<ергея> А<лександро- вича>, но потом опять исчез. Гадал он, по словам Н<иколая> Н<ико- лаевича>, очень хорошо и, кажется, и он также предсказал ему, что он утонет на 37-м году жизни — зачем обманул. Он предлагал составить гороскоп, просил за него 300 р. «У меня не было тогда таких денег, бы- ли бы, так заказал бы непременно».

Я уже сказала, что сначала я видала Н<иколая> Н<иколаевича> довольно часто. Потом вдруг он перестал у меня бывать. Просто ли так или потому, что Толстые³³ что-то на меня наговорили, сказав, что я распространяю слухи, что он страшно врет и рассказывает нелепо- сти. Зимой (1912 г. — А. Н.) я его видала редко, он много жил в Моск- ве, но, возвращаясь, он приходил ко мне и рассказывал впечатления. После Рождества и Нов<ого> года, кот<орые> он там провел, Н<ико- лай> Н<иколаевич> приехал под свежим впечатлением походов Кузмина в Москве. Он был настолько разочарован в нем, что говорил: «Я, может быть, когда-нибудь и помирюсь с К<узминым>, но полю- бить его я больше не могу — он так опустился, стал как горничная». Кузмин ездил тогда в Москву со своим офицером Миллером,³⁴ и их главным времяпровождением было шантажирование и вымогательст- во денег у всех направо и налево. Причем оба вели себя совсем непри- стойно. Ездил в Москву Н<иколай> Н<иколаевич> писать Туран- дот,³⁵ да так и не написал, а просто хорошо проводил время. Эскизы же написаны были, кажется, все. Ездил он потом опять на масляной (с 29 января по 5 февраля. — А. Н.) или в начале поста (с 6 февраля. — А. Н.) и, вернувшись, привез первую часть Муратова об Италии,³⁶ кот<орая> так и осталась у меня. Он давал ее какому-то актеру в Мо- скве, — для руководства при постановке Гоцци — все эти места от- черкнуты у него ногтем. Меня трогала всегда его внимательность, па- мять о всяких мелочах. Пасху (25 марта. — А. Н.), кажется, он тоже там провел и опять-таки Турандот не написал, отложив на июль. Вес- ной я стала его чаще видеть и, главное, стала его меньше бояться. Т<о> е<сть>, я не то что боялась, но невероятная какая-то застенчи- вость на меня нападала при нем. В особенности у него в мастерской.

Днем у него бывал усталый, рассеянный вид часто. Он начал весной *Nature morte*,³⁷ поразительный по мастерству, скомпанованности и красоте. Он больше всех предыдущих и должен был быть, я думаю, и лучше всего прежнего. Я его под конец не видала, т<ак> к<ак> решила лучше к Н<иколаю> Н<иколаевичу> не ходить, тем более, что сам он стал бывать очень часто. Он не любил встречать кого бы то ни было, и в самом деле, с ним бывало интересно именно вдвоем. Он был откровеннее и разговорчивее. Раз он рассказывал о предсказанной ему смерти в 37 лет и говорил, что это очень хорошо, т<ак> к<ак> после 40 лет человек не движется вперед, жизнь его останавливается. Я удивилась и говорила, как он, художник, мечтает о короткой жизни, неужели для него искусство не составляет главной цели жизни. Н<иколай> Н<иколаевич> ответил мне, что для него искусство не все, а лишь половина — жизнь же другая и более важная часть жизни.

18/VII

Прежде очень многое из его привычек мне было не совсем понятно. Теперь же, когда я страдаю так остро, мучительно, всем своим существом — прежде я тоже страдала, но тогда я как-то сама была еще наполовину то, что сейчас и сравнивать прежнее с настоящим нельзя. Так вот теперь я его стала понимать очень хорошо, в мелочах жизни. Его всегда завешенные окна, нелюбовь к деревне с мягкими, слишком покойными линиями горизонта, его разврат, близость с Сизовым,³⁸ все его парадоксальное отношение к внешнему миру. И кажется мне, что он, вероятно, очень страдал и страдал всегда. В один из последних вечеров, когда он был здесь, при В<ениамине> П<авловиче> (Белкине. — *А. Н.*) я ему говорила, что считаю его самым счастливым человеком из известных мне людей, с его талантом и абсолютной свободой духа. Мы стояли в передней долго, ему не хотелось уходить, — он говорил, что я очень ошибаюсь — что он совсем не счастлив. Потом он еще долго стоял на площадке. Ужасно я любила, когда он так нехотя и медлительно уходил и долго все смотрел и смотрел. Мы как-то медленно и осторожно подходили друг к другу. Но еще в ту ночь в Териоках, входя в лодку — мы с ним остались последними на берегу — я поняла совсем ясно, что никто его от меня теперь не возьмет. О смерти я не думала.

¹ Весной 1912 г. мастерские Н. Н. Сапунова и Л. В. Шапориной находились в одном доме, по адресу: Васильевский остров, 18 линия, д. 7. Об этом упоминает и М. А. Кузмин: «Жил Николай Николаевич все это время на далекой линии Васильевского острова, в одном и том же доме, переименовав только мастерскую» (Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. С. 50).

² *Потемкин Петр Петрович* (1886—1926) — поэт, прозаик, переводчик. Сотрудник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», автор поэтических сборников «Смешная любовь» (1908) и «Герань» (1912). После революции эмигрировал. Умер в Париже. В 1910—1912 гг. один из руководителей «Дома интермедий», литературного кафе «Бродячая собака» и др., для которых написал ряд скетчей и пьес. Саша Черный писал о нем: «Беспечный представитель богемы и изящный сноб, возлюбивший пестрый театральный мирок парикмахерских кукол, горбунов, арлекинов, бесшабашных негров, умел так мастерски и весело вызывать из небытия весь этот забавный антураж европейских кабаре» (*Черный Саша*. О Петре Потемкине // *Поэзия: Альманах*. М., 1984. Вып. 40. С. 200). Совместной работой П. П. Потемкина с Сапуновым в 1910—1911 гг. была пьеса «Блэк энд Уайт, или

Негритянская трагедия» для «Дома интермедий»: авторами были К. Э. Гибшман и П. П. Потемкин, а Сапунов написал эскизы костюмов и декорации. См. о нем в дневниках Л. В. Шапориной: РНБ, ф. 1086 (арх. Л. В. Шапориной), № 2, л. 61 об.; *Кузмин М.* Дневник 1905—1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000.

³ *Богданова-Бельская Паллада (Палладия) Олимповна* (в замуж. также Пэдди-Кабецкая, Дерюжинская, Гросс) (1885—1968) — поэтесса. Хозяйка литературного салона, одна из завсегдатаев литературно-художественного кафе «Бродячая собака». См.: *Тименчик Р. Д.* Богданова-Бельская Паллада (Палладия) Олимповна // *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь.* М., 1989. Т. 1. С. 299. См. также комментарий о ней в ст.: *Прилежаева-Барская Б. М.* «Бродячая собака» / Публ. Р. Д. Тименчика // *Мишуровшее. Исторический альманах.* М.; СПб., 1998. Вып. 23. С. 405—408. Шапорина не раз упоминает о ней в своих дневниках, в том числе в связи со смертью Виталия Николаевича Гросса (1900—1935; дата смерти по записи в дневнике от 21. 11. 1935), художественного критика, очеркиста (см. о нем: РО ИРЛИ, ф. 291 (Всероссийский союз писателей (Петроградское / Ленинградское отделение), оп. 1, № 456, л. 33—33 об.), бывшего в то время мужем Паллады. Воспоминаниям о ней и ее окружении посвящены несколько страниц дневника Л. В. Шапориной (РНБ, ф. 1086 (арх. Л. В. Шапориной), № 5, л. 27—31). Познакомилась Шапорина с Палладой в 1909 или 1910 г. у Смирновых. Александр Александрович Смирнов (см. прим. 26) с ней очень дружил. Шапорина вместе с Богдановой-Бельской бывала в «Бродячей собаке» и вспоминает костюмированный вечер зимой 1912 г. (Здесь, возможно, Шапорина ошиблась в дате. Судя по сохранившимся программам «Бродячей собаки», костюмированный вечер прошел 22 февраля 1913 г. См.: *Парнис А., Тименчик Р.* Программы «Бродячей собаки». С. 208). Об указанной поездке Шапорина вспоминает в дневнике, где говорится, что с Потемкиным, Белкиным, Позняковым ездили к Палладе в Павловск и застали ее с Сапуновым на вокзале. Л. В. Шапорина здесь, по-видимому, тоже ошиблась в дате: она пишет о 1912 г., на самом деле это был 1910 г., как следует из настоящих воспоминаний. О Палладе в своем письме к Л. В. Шапориной (лето 1910 г.) упоминает и С. С. Позняков (см. прим. 4): «Получил от Шуручки (А. А. Смирнова.— А. Н.) письмо. Он благоденствует, хотя был болен. Паллады еще нет, и это его радует. Не поймешь их» (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 68, л. 19). После возвращения Л. В. Шапориной из Парижа и переезда в Детское Село (лето 1929 г.) она застаёт там и Палладу. В это время она уже была замужем за Гроссом, и у них был маленький сын Ритик (Э. В. Гросс). С большой симпатией и сожалением о «так рано сгоревшей жизни» говорится в дневнике Л. В. Шапориной о В. Н. Гроссе. См. также об этом периоде жизни Паллады в ее письмах к З. И. Быковой: РНБ, ф. № 118 (арх. П. В. и З. И. Быковых), № 1066.

⁴ *Позняков Сергей Сергеевич* (1889 — до 1942? 1945?) — литератор-дилетант. Ему посвящены роман М. А. Кузмина «Нежный Иосиф» (1909 г.) и ряд стихотворений. См. о нем: *Кузмин М.* Дневник 1905—1907. Позняков посвятил в ноябре 1908 г. М. Кузмину свою новеллу «Диалоги». См.: *Весы: Ежемесячник искусства и литературы.* 1909. № 2. С. 35—38. См. также о нем: *Волошин М.* История моей души. М., 2000. С. 195—196. В архиве Л. В. Шапориной в Пушкинском Доме хранятся 13 писем С. С. Познякова к ней за 1909—1912 гг., написанные им из Петербурга и из Луги, Киева, Луцка, где он отдыхал — в Петербург, Вильну, в поместье ее матери Ларино и в поместье сестры Станию (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 68). В описываемый период С. С. Позняков был студентом Петербургского университета. В 1909 г. он участвовал в антизабастовочном движении, как писал об этом в письме 1909 г. (датировано Шапориной): «Будучи, помимо всяких политических мнений, ярким противником забастовки и тем более, насильственного образа действий левого студенчества, я примкнул к возникшему антизабастовочному комитету...» (л. 7 об.). В 1909 г. Позняков состоял в «Союзе русского народа». По этому поводу, по-видимому, они с Шапориной вступили в полемику, так как в письмах он объясняет ей, почему и как он вступил в «Союз», затем советуется с ней по поводу выхода из него. (Это письмо без даты, но по содержанию тоже 1909 г., в нем Позняков пишет, что ему 20 лет) (л. 11). Из писем видно, что он прислушивался к мнению Л. В. Шапориной, и она имела на него влияние в различных вопросах. Ср., например, письмо, позднее датированное Шапориной 1909 г., с припиской: «С. С. было 18 лет» (Неточность. — А. Н.): «Дурной воздух в этом Луцке. Так неприятно действуют на меня после трех месяцев Вашего общества здешние люди, особенно женщины. Я удивляюсь, как раньше здешняя

провинциальная распушенность могла мне нравиться. Я объясняю это только тем, что, например, в прошлом году я был под влиянием этой скверной сомовщины, этой „веселой легкости бездумного веселья“ и „уст, целованных столькими“ (цитаты из стихотворений М. А. Кузмина «Где слог найду, чтоб описать прогулку...») и «Ах, уста, целованные столькими» — А. Н.). Бог с ними, правда. Я не могу их осуждать. Я не могу сказать им про сучки в глазах. Собственные бревна слишком давят на веки, что бы их не замечал. Но я говорю себе. Вот я не пойду по этому пути. Вот я сознаю, что я свободен от животности. Вот я не как мужчина, не как сексуалист того или иного направления, а как человек люблю другого человека, не справляясь о его поле, не нуждаясь в его половых проявлениях. Я не знаю, хорошо ли, нет, подобное чувство, но оно, право, вероятно лучше и балмунтовского упиванья, и сомовской холодной порнографии <...>. Вы простите меня милая, что я столь бессвязно излагаю Вам Ваши же мысли. Да, это Ваши мысли, но уже и мои. Вы меня им научили. И я с ними расстаюсь уже не желаю» (л. 5 об. — 6 об.).

Теперь попытаемся уточнить дату смерти С. С. Позняка. В издании «Дневника» М. Кузмина в именном указателе (С. 591) дается — 1945? г., в «Истории моей души» (С. 406) — 1945. В статье А. Парниса и Р. Тименчика «Программы „Бродячей собаки“» (в приведенных здесь неопубликованных воспоминаниях П. О. Гросс) читаем о С. С. Познякове в следующем контексте: «О художнице Ефимии Бебутовой (ум. 1942 г.): „И была в „Собаке“ Бебутова — художница, все называли ее Фима, талантливая портретистка. Она была замужем за Сергеем Позняковым, талантливым и умным человеком. Он умер трагически на ее руках <...>. Фима умерла в дни блокады в Ленинграде, в маленькой комнатке, на 5 этаже, она писала маслом портреты, очень много трудилась и добывала свой хлеб поистине потом и кровью“». (Собрание Э. В. Гросса)» (С. 255). (По-видимому, С. С. Позняков женился после 1912 г., т. к. из письма к Шапориной не явствует, что он женат). Ср. приписку С. С. Позняка к письму Н. К. Цыбульского к Е. Б. Вахтангову от 5 ноября 1913 г.: «Р. С. Присутствующий здесь <член> художественного комитета руку прилагает. Сергей Позняков, муж княжны Бебутовой» (Там же. С. 216). Если П. Гросс не ошиблась в своих воспоминаниях, а к «этому источнику надо относиться с осторожностью — в нем очевидны анахронизмы», как отмечает Р. Д. Тименчик (см.: *Прилежаева-Барская Б. М.* «Бродячая собака». С. 407), то можно указать год его кончины более точно: до 1942 или 1942.

⁵ Описываемый эпизод происходит на знаменитых музыкальных концертах в Павловском вокзале. В 1910 г. на пост главного дирижера был приглашен А. П. Асланов (1874—1960), бесценно возглавлявший оркестр до 1916 г. включительно. С его приходом открылась «новая и яркая страница в „павловской музыке“». <...> Сезон, не в пример прежним годам, начинался теперь в мае и оканчивался не позднее 8 сентября. Днями симфонических концертов остались вторники и пятницы; но „легкая“ музыка в настоящем смысле слова оказалась изгнанной из программ концертов и в прочие дни недели, заполненных в основном произведениями не крупной формы (увертюрами, оркестровыми и вокальными отрывками из опер, отдельными пьесами и т. д.)» (*Розанов А. С.* Музыкальный Павловск. Л., 1978. С. 118). В 1912 г. оркестром не в симфонические дни управлял обычно М. Бертье. См.: Павловский музыкальный вокзал. Исторический очерк (к 75-му музыкальному сезону). 1838—1912 / Сост. Н. Ф. Финдейзен. СПб., 1912. Упомянутая в воспоминаниях Л. В. Шапориной машинка кофе — кофейник с гейзером.

⁶ *Белкин Вениамин Павлович* (1884—1951) — график, художник книги, живописец. С 1906 г. участвовал в выставках «Союза молодежи», «Мира искусства». С ним Л. В. Шапориная познакомилась в 1907 г. в Париже, когда они вместе учились в академии «La Palette»: она — в 1906—1908 гг. (см.: *Носова А. Г.* Л. В. Шапориная и ее фонд в Рукописном отделе. С. 130); он — с марта 1907 до конца мая 1909 г. (к 1910 г. возвратился в Россию) (см. Рукописный отдел Государственного Русского музея (ГРМ), ф. 118 (арх. В. П. Белкина), № 17, л. 1). До самой смерти В. П. Белкина Шапориная сохранила с ним дружеские отношения. См.: РНБ, ф. 1086, № 7, л. 46 об.; № 19, л. 5 об.—6; № 21, л. 33—34. См. также письмо В. П. Белкина к Л. В. Шапориной 1910 г. — РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 21. Белкина с Сапуновым связывала совместная работа по оформлению артистического кафе «Бродячая собака», где они с художниками С. Ю. Судейкиным, Н. И. Кульбиным, Б. А. Мещерским расписывали стены подвала.

⁷ См. справку из больницы, где указывается, что Н. Н. Сапунов с 9 июня по 4 августа 1910 г. находился на излечении в Александровской мужской больнице, по адресу: В. О.,

15 линия, д. 4. (Российский государственный исторический архив, ф. 789, оп.13, № 128, л. 54 об.).

⁸ Театр «Дом интермедий» открылся осенью 1910 г. на Галерной улице. Художественными руководителями были В. Э. Мейерхольд, Н. Н. Сапунов и М. А. Кузмин. Директором сначала был М. М. Бонч-Томашевский, затем это предприятие преобразовалось в «Товарищество актеров, художников, писателей и музыкантов» и в члены совета вошел еще Е. А. Зноско-Боровский. См.: *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург. Начало XVIII века—октябрь 1917 года. Обзорение-путеводитель / Под общей ред. И. Ф. Петровской. СПб., 1994. С. 337—338; *Тихвинская Л.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908—1917. М., 1995. С. 86—134. «Идея была такая, — вспоминает О. Высотская, — создать театр маленьких комедий, интермедий, пантомим и сольных номеров. Театр сообразился с рестораном, в зрительном зале стояли столики, можно было получить вино, чай, бутерброды, пирожные, легкие блюда. Можно было сидеть, ничего не заказывая. В фойе был зимний сад, пальмы, вьющиеся растения по стенам. Играл оркестр <...>. В репертуаре „Дома интермедий“ были только художественные произведения, созданные большими артистами (писателями, режиссерами, художниками). Сольные номера создавались на хорошей музыке или были полны сатиры и юмора <...>. Это был театр молодого вдохновения» (*Высотская О.* Мои воспоминания. С. 81, 82). Первую программу театр показал 12 октября 1910 г., вторая программа показана впервые 3 декабря 1910 г. Последний спектакль прошел 30 января 1911 г. (*Высотская О.* Мои воспоминания. С. 95, 96).

⁹ Мастерская Н. Н. Сапунова находилась на Васильевском острове: 18 линия, д. 7.

¹⁰ Бернард — «Бернгард» — ресторан на Николаевской наб., д. 9. Владелец — Василеостровское товарищество официантов.

¹¹ *Шервашидзе (Чачба) Александр Константинович* (1867/1868—1968) — живописец, театральный художник и критик, первый профессиональный художник Абхазии. Был вольнослушателем МУЖВЗ. С 1894 по 1899 г. учился в Париже в академии Ф. Кормона. Вернулся в Москву, затем снова уехал в Париж, где пробыл до 1906 г. Там и увлекся театром. В Петербурге поселился в 1906 г., после возвращения из Парижа. В 1907 г. по рекомендации А. Я. Головина стал главным художником Императорских театров. Участвовал в качестве художника-постановщика и исполнителя в оформлении более 40 спектаклей. В 1912 г. получил бронзовую медаль за эскизы к юбилейному спектаклю в честь 100-летия войны 1812 г. После революции жил и умер во Франции. См.: *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Художники эмиграции (1917—1941). Биографический словарь. СПб., 1994. С. 519—522.

¹² Поездка в Сухуми не обошлась без происшествий: по дороге туда, на станции Ростов-на-Дону, 21 мая при выходе из вагона 2-го класса поезда № 2 у Н. Н. Сапунова был похищен бумажник с 45 рублями и шестимесячным паспортом. Ему пришлось писать в канцелярию Академии художеств с просьбой выдать новое свидетельство на проживание. Но прежде чем выдать новое свидетельство, канцелярия запросила Ростовское отделение жандармского управления железных дорог: было ли Сапуновым своевременно заявлено о краже. Положительный ответ был получен, и ему было выдано 17 декабря 1907 г. свидетельство Сухумского городского полицейского управления. На основании этих документов устанавливается срок его пребывания в Сухуми, почти 7 месяцев. Адрес его проживания в бумагах указан: «Сухум Кале Кутаисской губ., дача „Орион“, Лаптевой, для Н. Н. Сапунова» (РГИА, ф. 789 (арх. Академии художеств), оп. 13, № 128, л. 30, 34, 35). См. также его адрес в письме к М. А. Кузмину от 18 авг. 1907 г., где была указана дача Шаншиевых «Орион» (РНБ, ф. 400 (арх. М. А. Кузмина), оп. 1, № 138). Об этой поездке Я. Тугендхольд писал: «Поездка в Сухум открывает ему глаза на солнце: он начинает любить горячую желтизну травы, глубокие синие тени <...>» (Н. Н. Сапунов. Пг., 1916. С. 22).

¹³ *Судейкин Сергей Юрьевич (Георгиевич)* (1882—1946) — живописец, график, художник театра. После революции эмигрировал во Францию, затем переехал в США, умер в Нью-Йорке. Друг Сапунова, с которым они работали над декорациями спектакля «Смерть Тентажиля» М. Метерлинка в постановке В. Э. Мейерхольда в Театре-студии на Поварской в 1905 г. Судейкиным были выполнены I, II и III акты, Сапуновым IV и V акты. Но К. С. Станиславский на генеральной репетиции понял, что неопытная артистическая молодежь не сможет осуществить замыслы Мейерхольда, и было решено отка-

заться от показа спектакля. Осенью 1905 г. Театр-студия был закрыт, и декорации Сапунова и Судейкина так и остались невостребованными. См.: *Алпатов М. В., Гунст Е. А. Николай Николаевич Сапунов*. С. 19. Вместе они работали и над оформлением «Бродячей собаки». См. также характеристику их отношений в книге А. А. Мгеброва: «Другом Сапунова считался Судейкин, но дружба их была очень странная: из тридцати дней в месяце они сорились и не разговаривали друг с другом приблизительно двадцать девять, и так постоянно».

Имена Судейкина и Сапунова тесно переплетались между собой, как самых изысканных театральных художников тех дней; обоих как будто связывало что-то общее, но в то же время они были глубоко различны. <...> И все же, как ни блестящ был Судейкин, он во многом уступал Сапунову, с которым у него вообще постоянно бывали какие-то счеты; он даже подчас ставил Сапунову на правах дружбы странные ультиматумы во имя глубоко развитого в нем тщеславия и чувства конкуренции, о чем Сапунов, обычно всегда сдержанный, иногда не без иронии отзывался в кругу своих друзей. Я должен сказать, что Сапунов вообще чрезвычайно осторожно и недоверчиво относился к Судейкину, особенно тогда, когда последний бывал с ним подчеркнуто ласков и предупредителен.

Сапунов был одним из немногих, по отношению к которому Судейкин не осмеливался проявлять свойственного ему „пшютовства“. Судейкин часто чувствовал себя перед Сапуновым мальчишкой, хотя в Сапунове-то и жила постоянная настоящая, прелестная ребячливость, несмотря на всю скрытность, столь наивно напускаемую им на себя» (*Мгебров А. А. Жизнь в театре*. М.; Л., 1932. Т. 2. С. 181—182; 184—185). См. о С. Ю. Судейкине также: *Козан Д. Сергей Юрьевич Судейкин*. 1884—1946. М., 1974; *Кузмин М. Дневник 1905—1907 г.*

¹⁴ Брат Судейкина — *Судейкин Леонид Георгиевич*. См. послужной список их отца, Георгия Порфирьевича Судейкина, подполковника корпуса жандармов, в начале 1881 г. назначенного заведующим агентурой Петербургского охранного отделения и убитого в декабре 1883 г. народовольцами С. П. Дегаевым, Н. П. Стародворским и В. П. Канашевичем: «Женат первым браком на дочери полковника Корпуса жандармов Гусева, девице Вере Петровне; имеет детей: сыновей Леонида, родившегося 31 дек. 1876 г. и Сергея, родившегося 7 марта 1882 г. и дочь Софию, родившуюся 23 апреля 1879 г.». Леонид был определен в 1-й Московский кадетский корпус. В дальнейшем штаб-ротмистр в Москве (РГИА, ф. 789, оп. 13, № 157, л. 14—14 об.). См. также прошение С. Ю. Судейкина в канцелярию Академии художеств: «Имею честь просить выдать мне бумаги для отбывания воинской повинности в Сумском гусарском полку, находящемся в Москве» (Там же, л. 37). По-видимому, там служил его брат, о чем и пишет Шапорина.

¹⁵ *Борисова-Мусатова Елена Эльпидифоровна* — сестра художника Виктора Эльпидифоровича Борисова-Мусатова (1870—1905). Шапорина вспоминает о ней: «Вот милое существо! Я с ней познакомилась в Париже в 907 г. — она изучала прикладное искусство, вышивала у М-те. Мы ее звали Солнышко. Круглолицая, румяная, более жизнерадостная, чем ее изображал брат, В<иктор> <Эльпидифорович>. Вернувшись в Россию, она не могла найти применения своим знаниям, она пробовала работать по фарфору — глаза заболели, и она поступила на гл<авный> почтамт. В 10 году мы наняли вместе квартиру в 3 комн<аты> на Вас<ильевском> о<строве> и прожили там, пока я не переселилась в мастерскую на 18 л<инии>. Затем Е<лена> Э<льпидифоровна> уехала в Москву, работала в библиотеке, вышла замуж. По роду своей жизни и ближайшему окружению она очень далека от искусства» (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 127 об.). О ее дальнейшей судьбе: «Ее жизнь сейчас, вернее, быт ее жизни — яркая иллюстрация советского трагического гротеска...» (РНБ, ф. 1086, № 4, л. 32—33).

¹⁶ *Кузмин Михаил Алексеевич* (1872—1936) — поэт, прозаик, критик, переводчик, композитор. В 1906 г. Кузмин писал музыку, а Сапунов декорации к пьесе А. А. Блока «Балаганчик» в постановке В. Э. Мейерхольда в Драматическом театре В. Ф. Коммисаржевской. Другой их совместной работой были спектакли в сезон 1910—1911 гг. в Доме интермедий «Исправленный чудак» и «Голландка Лиза», для которых Сапунов писал декорации, и костюмы к последней из названных пьес (в соавторстве с А. А. Араповым). См.: *Алпатов М. В., Гунст Е. А. Николай Николаевич Сапунов*. С. 24, 31. М. А. Кузмин вспоминал: «Особенно нас сблизила совместная работа по „Дому интермедий“ (так! — А. Н.), постановка в Малом театре моей оперетки „Возвращение Одиссея“ и мой порт-

рет, который так и остался незаконченным. Конечно, эти внешние обстоятельства не сами по себе были причиной сближения, но заставляли видаться почти ежедневно» (Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. С. 49—50).

¹⁷ Этот портрет М. А. Кузмина (1911 г.) хранится в Минске, в Художественном музее Республики Беларусь. Интересно отметить, что искусствоведы расходятся во мнении о его законченности. Сам Кузмин о портрете писал как о незаконченном (см. прим. 16). В каталоге посмертной выставки числятся 2 незаконченных портрета и один эскиз к нему. См.: Сапунов Николай Николаевич. Выставка произведений. М., 1914. С. 4. В статье «На посмертной выставке Сапунова» Я. Тугендхольд писал: «И это стремление к grand art, к высокой декоративности, каким проникнуты его natures mortes, сказалось и на его портретах: г-жи Крыловой, А. И. Коммисаржевской и особенно М. Кузмина, но к сожалению, они остались незаконченными» (Н. Н. Сапунов. Пг., 1916. С. 23). В книге М. В. Алпатова и Е. А. Гунста читаем: «Незаконченными остались и два портрета другого поэта — М. А. Кузмина, с которым Сапунову неоднократно приходилось вместе работать для театра. <...>

Художник изобразил своего друга в итальянском костюме эпохи возрождения — в пестром одеянии с широкими рукавами, перехваченном поясом, и с тюрбаном на голове. В руках у поэта книга; большие глаза его мечтательны; все говорит о том, что он собирается читать вслух стихи. Кузмину было тогда тридцать семь лет, но на портрете он моложе. <...> Сапунов мало заботился о долговечности своих картин. Излюбленным его материалом была темпера; иногда он употреблял акварель, маслом же почти не писал. В тех случаях, когда под рукой не было нужного материала или когда ему казалось, что желанный эффект еще не достигнут, он дописывал, подправлял вещь чем придется. <...> Что касается портрета Кузмина, то Сапунов прекратил работу над этим холстом, когда на нем появились пятна, и стал переписывать портрет заново, но довести работу до конца ему помешала смерть» (Алпатов М. В., Гунст Е. А. Николай Николаевич Сапунов. М., 1965. С. 38). Д. З. Коган не согласна с тем, что «за портретом закрепилась репутация незаконченного. По-видимому, — пишет она, — для подобного заблуждения давали основания некоторые особенности живописной системы: контур, кисть руки, держащей книгу, размыты, смазаны. Пристальное знакомство с живописью убеждает в том, что художник делал это сознательно. В разной степени прописывая части холста, детали, он добивался впечатления становления живописного образа, как бы фиксируя сам процесс его создания, вводя в образную структуру. Размытость кисти руки и некоторых частей композиции вызывала ощущение воздушности фигуры» (Коган Д. Николай Николаевич Сапунов. 1880—1912. М., 1998. С. 116).

¹⁸ Ср., например, описание мастерской Н. Н. Сапунова М. А. Кузминым: «Я редко видел такой беспорядок, как в мастерской Н<иколая> Н<иколаевича>, и в Москве, где он жил вместе с Араповым в доме Перцова, обстановка была приблизительно такая же. Несмотря на то, что Сапунов покупал разные старинные вещи и даже мебель, они не меняли впечатления запущенности и неуютности <...>» (Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. С. 51). Ср. также у А. А. Мгеброва: «На набережной Васильевского острова, там, где всегда было много всяких кораблей, кажется, у 20-й линии, стоял маленький отель-особняк, не то голландского, не то норвежского стиля, там и жил постоянно Сапунов, занимая квадратную, не очень большую, но светлую комнату, из окон которой виднелись мачты и трубы кораблей. Почти никакой мебели в комнате у Сапунова не было; но по стенам и по красному, крашеному полу были развешаны и разбросаны полотнища его произведений» (Мгебров А. А. Жизнь в театре. М.; Л., 1932. Т. 2. С. 180). Здесь Мгебров называет другой дом — на набережной. Возможно, он ошибся, так как все адреса прописки Н. Н. Сапунова указаны в личном деле в Академии художеств и таковой там отсутствует. См., например: 1 февраля 1907 г. — Кронверкская ул., д. 6, кв. 8; 1907 г. — Суворовский участок, д. 60-б (?) (название ул. прочесть не удалось. — А. Н.); 17 января 1908 г. — меблированный дом «Александр», Екатерининский канал, д. 34; 28 октября 1908 г. — В. О., 5 линия д., 10; 18 декабря 1910 г. — В. О., 18 линия, д. 7 (РГИА, ф. 789, оп. 13, № 128, л. 22 об., 24 об., 35 об., 39 об., 58 об.).

¹⁹ *Сабашникова Маргарита Васильевна* (1882—1973) — художница, поэтесса, первая жена М. А. Волошина. Мастерская до Сапунова принадлежала Сабашниковой. 30 июня (13 июля) 1909 г. она возвратилась из Германии в Петербург и наняла мастерскую на Васильевском острове (18 линия, дом 7). 10 августа 1910 г. Сабашникова отъезжает за гра-

ницу (см.: *Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой* / Сост. В. П. Купченко // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. 2000. № 3. С. 373, 374). Мастерская переходит к Сапунову 18 декабря 1910 г., после его возвращения из очередной поездки в Москву. Летом 1911 г. мастерская переходит уже к Л. В. Шапориной. См. в письме С. С. Познякова от 11 июня 1911 г. (датировано по конверту): «Побежал на 18 линию, но, к сожалению, слишком поздно. Сапунов уже переехал, в тот же день содрали старые обои и теперь клеят новые. Ужасно досадно, хотя, по моему мнению так красивее. Успокоил Рамазана (?) насчет денег. Впрочем, он нисколько и не беспокоился. А вот насчет пресса он говорит, что нужно его смазать маслом. Я не знаю, можно ли это делать? Напишите по этому поводу Вашу резолюцию. Сапунов бедный еле ходит, с ногами у него действительно что-то нехорошее. Казеину же велел класть не больше 2-х столовых ложек на стакан воды, хорошо размешать и потом прибавить одну столовую ложку нашатырного спирта <...>. Я совсем забыл передать вам, что Н<иколай> Н<иколаевич> просил очень-очень низко кланяться. Только из особого к Вам уважения он не продал пресса, столько времени мозолившего ему глаза. Вы это должны очень ценить» (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 68, л. 18—19).

²⁰ *Гоген Поль Эжен Анри* (1848—1903) — французский живописец.

²¹ *Лейнер* — ресторан товарищества «О. Лейнер», где в 1890-е — 1900-е гг. любили собираться представители свободных профессий, артисты, художники, литераторы (Невский пр., д. 18).

²² Ср., например, как об одном эпизоде, который вполне мог скомпрометировать даму, вспоминал А. А. Мгебров: «Жена одного известного артиста как-то рассказала мне о том, что проделал с ней Сапунов. Он был влюблен в эту даму (она же была самой обыкновенной женщиной, с большой оглядкой на то, что могут о ней сказать в обществе). И вот однажды Сапунов молил ее пустить его к ней в дом в несколько поздний час; та, разумеется, несмотря на большую симпатию к нему, очень мило, но твердо отказала. Тогда Сапунов остался стоять на коленях на холодной каменной лестнице перед дверями ее квартиры, и так простоял всю ночь, утром она с ужасом увидела художника на коленях у своей двери, с иступленно-блуждающим взглядом, продрогнувшего и прозябшего. Подобные происшествия, а их было немало, вполне в духе Сапунова. Все это, разумеется, очень ярко свидетельствовало о его ребячливости, которая и делала его для всех таким привлекательным, вызывая к нему, несмотря на всякие его странности, теплое и человеческое отношение» (*Мгебров А. А. Жизнь в театре*. Т. 2. С. 185).

²³ *Толстой Алексей Николаевич* (1883—1945) — писатель. С Толстым Л. В. Шапорина познакомилась у Е. С. Кругликовой (1865—1941), художника-гравера, в 1908 г., когда училась в академии «La Palette». См.: *Носова А. Г.* Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе. С. 103, 129. В дальнейшем, после 1915 г., А. Н. Толстой и его жена в ту пору, Наталья Васильевна Толстая (урожд. Крандиевская) (1887—1963) — поэтесса, дружили с Шапориными. Толстого и Ю. А. Шапорина, впоследствии известного композитора, мужа Любоми Васильевны, связывали тесные творческие узы. В своих дневниках Шапорина много писала о Толстых.

²⁴ Л. В. Шапорина каждое лето отдыхала в имении матери Ларино, откуда выезжала и в Станицу, имение своей сестры Елены Федоровны Дейша.

²⁵ *Вася* — Дейша Василий Александрович, племянник, сын сестры Шапориной Е. Ф. Дейша.

²⁶ *Смирнов Александр Александрович* (1883—1962) — поэт, впоследствии литературовед-медиевист и переводчик. С ним Л. В. Шапорина также познакомилась в Париже в 1907 или 1908 г. По ее словам, тогда все ждали, что он будет вторым А. Н. Веселовским (РНБ, ф. 1086, № 13, л. 48 об.). А. А. Смирнов в 1907 г. окончил романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, в 1908 г. был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В эти годы он был на стажировке в Париже. Там же в Париже, в академии «La Palette», Л. В. Шапорина познакомилась и с Ольгой Георгиевной Чеховской (1888—1969), художницей, на которой в 1923 г., после смерти первой жены (в браке с 1911 г.), Елизаветы Петровны Магденко (1883—1922), женился А. А. Смирнов. (Даты рождения и смерти Е. П. Магденко и даты вступления в брак даны на основании документов из личного дела А. А. Смирнова — (Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, ф. 150, оп. 2, № 760, л. 5, 18,

25 об.). А в то время, в 1908 г., когда Шапориная покидала Париж, О. Г. Чеховская собиралась замуж за К. Е. Костенко (1879—1956), художника-графика, искусствоведа (РНБ, ф. 1086, № 28, л. 61—62). О Смирнове (Шурочке) неоднократно упоминает в письмах к Л. В. Шапориной С. С. Позняков (см. прим. 4) (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 68, л. 2, 5 об., 11 об., 25 об.). В архиве Шапориной имеются также 3 письма А. А. Смирнова к ней (Там же, № 76). Очень интересно письмо от 22 ноября 1913 г., в котором он представляет текст юбилейного адреса, составленного им для 40-летнего юбилея Б. Пронина на латыни и перевод его на русский язык: «Милая Любовь Васильевна, мне не удалось найти точных текстов старых дипломов (времени не было), но я сам сочинил текст, который предложил бы Вам, если Вы одобрите, написать. В переводе будет так:

Во имя Господа Иисуса Христа, в год по воплощ^{ению} Его 1914, в день воскресенья, ноября 24, мы все, твои друзья, почитатели и сотрапезники, мастера в различных искусствах: живоп<иси>, скульп<туре>, музыке, театрал<ьном> иск<усстве>, танцев, философии, филологии, а также питья и любви, воспламененные любовью к искусствам и наукам, так постановили:

Тебе, славный Господин и доблестный маэстро Б<орис> Пр<онин>, за твои бесчисленные труды, особенно за те, кот<орые> касаются устройства Дома Брод<ячей> Соб<аки>, многого нам всем, тебе, Господин, увенчанному лавром восьми пятилетий, рады твоего труда и почета, мы подносим степень доктора эстетике.

Да будет тебе вечная юность, пусть старость и седина никогда тебя не коснется, да будет тебе долгая и счастл<ивая> жизнь, да будет твоя любезная Собака всегда здорова и весела.

Живи, расти, процветай.

Буквы придумайте сами. Особенно руководиться старым шрифтом не стоит, — лишь бы было красиво. Хорошо, если бы печать висела отдельно (нарисован лист с висячей печатью. — А. Н.). Вот латинский текст:

In nomine Domini nostri Jesu Xri, anno incarnationis ejusdem millesimo DCCCCXIII (так! — А. Н.), sub die dominica novembris XXIII, nos, amici, admiratores et sodolicii tui, artium variarum, picturae, sculpturae, musicae, mimicae, ballandi, philosophiae, philologiae necnon bibendi, necnon artis amatoriae magistri et professores, artium scientiarumque amore inflammati, sec decrevimus:

Tibi, Domine illustris, magisterque egregie, Boris Proninie, pro laboribus tuis innumerabilibus, praecipue quae ad constituendam Domum Canis Errantis, nobis omnibus carissimae, pertinent, tibi, Domine, VIII lustrorum lauro coronato, laboris et honoris causa, gradum doctoris aestheticae conferimus.

Sit tibi iuventus aeterna, nec te senectus nec canities unquam tangat, sit tibi vita longa et felix, sit tuus Canis amabilis semper validus et jucundus. Vivas, crescas, floreas.

Я предложил бы такие буквы: <...> (12 строчек текста пишет средневековым шрифтом. — А. Н.) и т. д. Понимаете? i и j пишутся одинаково <...> (далее поясняет написание букв. — А. Н.). Это — почерк XIII в<ека>. Ну, вот, а если хотите, то сделайте по своей фантазии, красивые.

С приветом Ваш Шурочка» (латинский текст адреса дается в соответствии с оригиналом. — А. Н.).

Юбилей праздновался в «Бродячей собаке» 24 ноября 1913 г., «где почетный диплом юбиляру был вручен художницей Яковлевой», т. е. Л. В. Шапориной. См.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки». С. 216. Авторы статьи отмечают также, что «в документах Пронина как дата его рождения фигурирует 1875 г., но, по-видимому, он в данном случае пошел на мистификацию» (Там же. С. 216). В дальнейшем А. А. Смирнов и Л. В. Шапориная были связаны переводческой работой (РНБ, ф. 1086, № 13, л. 2; РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 76, л. 6).

²⁷ *Феофилактос Николай Петрович* (1878—1941) — живописец, график, постоянный сотрудник «Весов», оформитель ряда изданий произведений М. А. Кузмина; ему посвящен стихотворный цикл М. Кузмина «Александрийские песни». Участвовал в выставках художественных объединений «Голубая роза» и «Мир искусства». См. о нем: *Кузмин М. Дневник 1905—1907 г.*

²⁸ Сестра Судейкина — *София Георгиевна* (см. прим. 14). Здесь не совсем ясно, где это происходило, и в каком году, так как участники событий часто бывали то в Москве, то

в Петербурге. По справочникам «Весь Петербург» и «Вся Москва» Ушков переулочек не значится. Не числится он и в справочниках: *Елохина Т. И.* Улицы Ленинграда. Л., 1989; *Климачева А. К., Суринова М. Н.* Улицы Москвы. М., 1984. Скорее всего, речь идет о Петербурге (к тому же нам доподлинно неизвестно, бывала ли София Георгиевна в Москве одновременно с братом). В дневнике за декабрь 1906 г. М. А. Кузмин записывает: «Я сгоряча не заметил приписок в письме от Глебовой и от сестры Судейкина с зятем, где они меня приветствуют и зовут к себе» (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. С. 292). Исследовательница жизни и творчества О. А. Глебовой-Судейкиной (1885—1945), актрисы, художницы, танцовщицы, жены художника с 1907 по 1915 гг., Элиан Мок-Бикер в своей книге пишет, что в 1921—1923 гг. Ольга вместе с Анной Ахматовой жила в большой квартире на Фонтанке, д. 18: «Немного обветшала, эта квартира еще хранила следы роскоши предыдущей эпохи. Особую атмосферу в ней создавали ампириная мебель и картины Сергея Судейкина. <...> Здесь еще в 1910-х гг. была семейная квартира Судейкиных» (*Мок-Бикер Элиан.* «Коломбина десятилетия годов...»). Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993. С. 59, 189). См. также адрес в письме С. Ю. Судейкина к М. А. Кузмину от 11 августа 1909 г.: Вас. остр., 3-я линия, д. 20, кв. 13 (РНБ, ф. 124 (Собр. П. Л. Вакселя), № 4201, л. 1) и в письме С. Г. Судейкина к Е. А. <Зноско-Боровскому> от 4 марта 1910 г.: «До первого числа мой адрес (и Глебовой-Судейкиной. — А. Н.) Разъезжая 16/18, к. 58, после Вас. остр., 3-я линия д. 20, кв. 13» (РНБ, ф. 124 (Собр. П. Л. Вакселя), № 4199, л. 1, 3). В феврале—марте и в августе 1911 г. Судейкин был прописан на Невском пр., д. 15, кв. 30 (РГИА, ф. 789, оп. 13, № 157, л. 26 об., 41 об.). Недалеко от 3-ей линии есть Тучков пер.: может быть, Шапорина сделала опisku? Но в тексте — четко два раза — Ушков пер. В Москве же были три Ушаковских переулочка и Юшков переулочек.

²⁹ *Мамонтов Савва Иванович* (1841—1918) — предприниматель, меценат, мануфактур-советник. «Как познакомился Сапунов с Мамонтовым и вошел в его дом-мастерскую на Бутырках „Керамический завод С. И. Мамонтова“? — пишет в своей книге Д. Коган. — Об этом едва ли есть смысл гадать. Мамонтов всю жизнь тянулся к талантливой художественной молодежи и теперь, в достаточно пожилом возрасте, не утратил живого интереса к ней. Прибыв из Петербурга в Москву, Сапунов обосновался в доме при заводе Саввы Ивановича <...>. Здесь, в доме Мамонтова, укрепились отношения Сапунова с его сверстниками и единомышленниками: С. Ю. Судейкиным, П. В. Кузнецовым, с другими художниками, на которых обратил внимание выдающийся деятель искусства и меценат» (*Коган Д.* Николай Николаевич Сапунов. С. 32). Речь идет о 1905 г. См.: РГИА, ф. 789, оп. 13, л. 5, 19, 20 об.—23.

³⁰ Почти все авторы вышеуказанных воспоминаний также отмечают суверенность Н. Н. Сапунова, обращение его ко всякого рода гадалкам и то, что ими ему была предсказана смерть от воды.

³¹ *Сергей Александрович*, вел. кн. (1857—1905) — пятый сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, член Государственного Совета, командир лейб-гвардии Преображенского полка (1887—1891), московский генерал-губернатор (1891—1905), командующий войсками Московского военного округа (1896—1905). Убит эсером И. П. Каляевым в Кремле. См.: *Авчишников А. Г.* Великий князь Сергей Александрович. Екатеринослав, 1915. О том, что Сергей Александрович сам отказался от должности генерал-губернатора, писали в информационном листке от 10 марта 1905 г.: «Кому же неизвестно, что злодейски убиенный 4-го февраля Великий Князь сам отказался от поста Московского генерал-губернатора именно потому, что не желал продолжать свою политическую деятельность. Великий Князь пожелал сохранить за собою только военное звание, которое само по себе уже устраняет от всякого вмешательства в политические дела» (За что его убили? Незабвенной памяти Великому Князю Сергею Александровичу. М., 1905).

³² Кто был этот гадалец, пока нам установить не удалось. Вероятно, это легенда: Сергей Александрович был с детства очень религиозен, и вряд ли он обращался к гадалкам. Но, возможно, таковой факт и имел место в его жизни. В одном из информационных листков, выпущенном после смерти Сергея Александровича (от 22 февраля), В. Москвичем сообщалось: «В № 39-м газеты „Русский листок“ рассказан факт, относящийся к последним дням дорогой для России жизни Его Императорского Высочества Великому Князю Сергею Александровичу: „На днях одним из Киевских священников, протоиереем

Ф. было получено письмо из канцелярии Великого Князя Сергея Александровича, в котором от лица Великого Князя передается просьба прислать, по возможности, скорее освященный крестик св. Варвары Великомученицы. Как известно, по русским народным верованиям св. Варвара является заступницей человека от „напрасная погибели“, т. е. от случайной смерти. Крестик, по словам Киевской газеты был освящен и выслан по адресу, но дошел ли он по назначению — неизвестно, так как он был послан за два-три дня до смерти Великого Князя“<...>. Вот лучшее и лишнее доказательство той ошибки, в которую впадают люди, скептически относящиеся ко всему тому, что не поддается прямому истолкованию их разума<...>. За несколько дней до ужасной кончины этого неслыханного, безвинного мученика — Великого Князя, — Его постигло тяжелое, давящее, омрачающее душу предчувствие чего-то неведомого, неиспытанного доселе, но непременно ужасного... (Не вспомнилось ли ему предсказание, если все-таки оно было? — А. Н.). И вот этот Великий Царственный Муж, всегда верующий, всегда взирающий к Господу, переживая тяжелое, смутное предчувствие чего-то недоброго, — быть может, даже приближенные кончины дней своих, — не старается бороться с роком, т. е. не принимает мер предосторожности, находящегося в средствах человека, и, помышляя лишь о Боге и несокрушимой воле Его, остается верным и безропотным по отношению к святым назначениям Его, а лишь обращается к пастырю церкви с просьбою освятить и выслать Ему крестик святой Варвары Великомученицы, которая по народным верованиям является заступницей человека от „напрасная погибели“, т. е. случайной смерти <...>» (Роковое предчувствие Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича перед кончиной. М., 1905). В другом посмертном издании писали: «Бывшей у места катастрофы публике полиция передала просьбу Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны подобрать останки Его Высочества, а также бывшие при нем вещи, особенно Великая Княгиня просила отыскать крест. Публика нашла три кольца, между прочим, из них одно серебряное с синей эмалью, с надписью: „Св. Великомученица Варвара“, затем часть цепочки, все вещи доставлены во дворец» (Страшное злодеяние. Убийство в стенах Кремля Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича. М., 1905. С. 11).

³³ Толстой Алексей Николаевич и жена его в ту пору — Софья Исааковна Толстая (урожд. Дымшиц) (1889—1963), художница. С ней Шапорина также познакомилась в 1908 г. в Париже. Она занималась в мастерской Е. С. Кругликовой.

³⁴ Миллер Сергей Владимирович — спутник поэта во время его поездки в Москву. «О глубоком кризисе и тяжелом безденежье Кузмина во время пребывания в Москве в Миллером свидетельствует письмо поэта к Е. А. Зноско-Боровскому от 26 декабря 1911 г., — отмечает в своей публикации А. Г. Тимофеев. См.: Кузмин М. Стихотворения. Пьеса. Переписка / Публ. А. Г. Тимофеева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 57.

³⁵ Речь идет об эскизах для театральной сказки К. Гоцци «Принцесса Турандот». Н. Н. Сапунов для этой постановки не делал отдельных декораций для каждого действия, написал только задний занавес, а место действия определялось переносными ширмами. Костюмы были необыкновенно красочными и по несколько вариантов, чтобы потом выбрать наиболее выразительный. Но, к сожалению, Сапунов своей работы так и не увидел. Премьера спектакля состоялась в театре К. Н. Незлобина в Москве осенью 1912 г., уже через три месяца после его гибели. Декорации по его эскизам выполнил его друг и ближайший товарищ по работе А. А. Арапов. См.: Алпатов М. В., Гунст Е. А. Николай Николаевич Сапунов. С. 42—43.

³⁶ Муратов Павел Павлович (1881—1950) — писатель. Речь идет об изд.: Муратов П. П. Образы Италии. М., 1911. Т. 1. Венеция. Путь к Флоренции. — Флоренция. Города Тосканы; 1911. Т. 2. Рим. — Неаполь и Сицилия. 1912. Полн. изд.: Т. 1—3. Берлин, 1924. Т. 1—3.

³⁷ По-видимому, речь идет о незаконченном натюрморте. О нем писал Я. Тугендхольд: «Есть еще одна, самая крупная по размеру и оставшаяся незаконченной nature morte Сапунова, — в ней сказалась уже та эволюция, которая произошла в его последних работах <...>: тут нагромождение самых разнообразных вещей — и чайный ящик, и игрушка-щелкунчик, и прежние вазы и цветы: тут какой-то бытовой хаос вещей, смеч-

нивший собой царственную строгость прежних *natures mortes*» (Н. Н. Сапунов. Пг., 1916. С. 23).

³⁸ По-видимому, речь идет о *Сизове Петре Викторовиче* (1871—?), художнике. Приведем кратко биографические сведения о нем, которые нашли только в фонде Академии художеств. Родился в г. Козлове в купеческой семье. Отец — Виктор Степанович Сизов, мать — Елизавета Дмитриевна. После окончания в 1888 г. коммерческого отделения Саратовского реального училища в 1893 г. поступает в МУЖВЗ, оканчивает его и учится в Академии художеств с 1903 по 1909 г. В 1904—1906 гг. получал стипендию им. Венецианова (РГИА, ф. 789, оп. 12, № И-25, л. 1—49). В МУЖВЗ и Академии художеств Сизов и Сапунов учились вместе, в Академии художеств — в одной пейзажной мастерской у одного и того же руководителя: проф. А. А. Киселева. В дальнейшем П. В. Сизов, по-видимому, преподавал рисование в средних учебных заведениях и работал театральным декоратором. См. его прошение о выдаче свидетельства на право преподавания рисования в средних учебных заведениях от 27 ноября 1909 г. и полученное им 15 декабря 1909 г. (РГИА, ф. 789, оп. 12, № И-25, л. 48—49). См. также его письмо к М. В. Добужинскому от 12 декабря 1912 г.: «Милостивый государь Мстислав Валерьянович! Позвольте предложить Вам услуги по написанию декораций. Я много лет работал у Н. Н. Сапунова, а последние 5¹/₂ мес<яцев> у кн. А. К. Шервашидзе, где имел честь с Вами немного познакомиться» (РО ГРМ, ф. 115, № 286, л. 1).